

ХЕЛЕНА ХЕЙЛ

Платбир

С ШОКОЛАДНОЙ КРОШКОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Хелена Хейл Пломбир с шоколадной крошкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68401910

SelfPub; 2022

Аннотация

Балет был всем для матери и сестры Каталины. После их смерти все ожидают от нее осуществления мечты погибших, не думая о том, что сама Каталина на дух не переносит балет и мечтает развиваться в другом танцевальном направлении. Но ведь обучение в Принстонском университете ей предоставляет балетная стипендия. Однажды старшекурсница Холли Кэмпбелл передает Каталине флаер с объявлением кастинга на набор танцовщик для съемок клипа популярного рэп-исполнителя. Неужели Каталине выпал шанс показать себя? Сможет ли она пойти дорогой своей мечты? А, может, даже встретит свою любовь?..

Содержание

Playlist	4
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	25
3 глава	39
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Хелена Хейл Пломбир с шоколадной крошкой

Playlist

Timbaland – The Way I Are (feat. Keri Hilson)

Wale – Bad Girls Club (feat. J. Cole)

J. Cole – Work Out

Timbaland – Give It To Me (Feat. Nelly Furtado & Justin

Timberlake)

Florida (feat. T-Pain) – Low

Cardi B – I Like It (feat. Bad Bunny, J Balvin)

P.Diddy feat. Christina Aguilera – Tell Me

Rob Thomas feat. Santana – Smooth

Lil Jon feat. Tyga – Bend Ova

Shakira feat. Alejandro Sanz – La Tortura

Sting – Desert Rose

Outkast – Ms. Jackson

Teriyaki Boyz – Tokyo Drift (Fast&Furious)

French Montana feat. City Girls – Wiggle It

Destiny`s Child – Lose My Breath

Tinie Tempah – Pass Out

Jigg – SoHot

Zion & Lennox feat Daddy Yankee – Yo Voy

The Contours – Do You Love Me

Bill Medley and Jennifer Warnes – (I've Had) The Time of

My Life

Britney Spears – My Prerogative

Nicole Scherzinger (ft. T.I.) – Whatever U Like

Airplanes– B.o.B. ft. Hayley Williams

Timbaland – Bounce (Feat. Dr. Dre, Missy Elliott, Justin

Timberlake)

Пролог

2018 год, Джерси-Сити, штат Нью-Джерси

Микроавтобус скользил по улицам Джерси-Сити, неторопливо пропуская пешеходов. Накануне прошел снегопад, замедлив тем самым дорожное движение. Водитель переключал радиостанции, в надежде найти хотя бы одну не связанную с Рождеством песню, в итоге бросил затею, и теперь в салоне еле слышно пела Мэрайя Кэри¹.

Несмотря на позднее время суток, улицы были ярко освещены праздничными вывесками: гирляндами, разноцветными фонариками, светящимися оленями, Санта-Клаусами и украшенными елками. После концерта вся труппа выбилась из сил, все мечтали об одном – уснуть крепким сном в мягкой постели, потому в салоне стояла тишина, нарушаемая лишь рождественскими мотивами.

Миссис Уайтстоун, наш хореограф, похрапывала на кочках, сидя лицом в нашу сторону. Очки сползли набок, голова упала на шерстяной шарф, темные волосы выбивались из-под шапки. Она, пусть и не выступала, а нервов потратила с лихвой, переживая за каждую из нас.

Сегодня состоялся отчетный концерт, от которого зависе-

¹ Речь идет о песне All I Want For Christmas is You («Все, чего я хочу на Рождество – это ты»)

ло наше будущее. Мы станцевали несколько номеров, которые ставила миссис Уайтстоун, чтобы продемонстрировать главному жюри все свои способности, а в финале исполнили спектакль «Ромео и Джульетта». Ноги изнывали от боли, голодный желудок протестовал, распространяя спазмы по всему телу. За десять лет балета я успела его возненавидеть, и мне было плевать на результаты просмотра.

А вот моя сестра Лусия улыбалась во все зубы, глядя в окно. Она жила балетом и была счастлива, что жюри внесли её в список стипендиатов. Лусия заметила, что я разглядываю её и резко обернулась, не переставая улыбаться. Пучок темных волос разметался и теперь больше походил на гнездо, черные глаза блестели неподдельной радостью.

– Каталина, выглядишь так, словно съела дохлую мышь. – Шепнула она.

Я попыталась улыбнуться, Лу закатила глаза.

– Мы прошли, дурочка! Теперь перед нами открыты двери любого университета! А самое важное, скоро мы станем главными сестрами американо-мексиканского балета и тогда... – Заметив, что я притворилась спящей, Лу ткнула меня в плечо. – Дева Мария, Каталина, что не так?

– Все прекрасно. Просто чудесно. – Ответила я, покрепче сжимая руки на груди.

Лусия сверлила меня взглядом. Ненавижу, когда она так делает.

– Ладно. Я знаю, где ты пропадала, когда прогуливала за-

нятия. – Внезапно выдала она.

Я выпрямилась и почесала нос. Такая у меня привычка – когда назревает необходимость солгать, безбожно чешется нос.

– Не вздумай лгать, – она знала меня, как облупленную. – Ты снова ходила на свои тряски задницей?!

Светоотражающие нашивки её куртки на мгновение ослепили меня, затем я собралась с мыслями и уточнила:

– Ты имеешь в виду мои *танцы*?

– Нет, я говорю о попотряске! С танцев мы едем *сейчас*, танцами мы занимаемся полжизни! – Громко шептала сестра, чтобы не разбудить остальных. – Кэтти, ты должна усерднее заниматься балетом. Пойми, нас, полукровок, и так редко воспринимают всерьез, а тут Принстонский университет на кону и карьера!

– Лу, – тяжело вздохнула я, закрывая глаза. – Меня тошнит от балета. R&B, хип-хоп, тверк, стрип-пластика – вот, в чем я нашла себя и растворяюсь. Я с детства ненавижу пуанты! А балетная пачка? Это же *анти* сексуально, кочан капусты, прыгающий по сцене!

Лусия громко ахнула, потревожив миссис Уайтстоун – у той очки окончательно повисли на подбородке.

– Как ты смеешь?! Балет – это искусство, элитное, дорогое, изысканное направление! А то, что ты перечислила, больше похоже на дешевое порно.

Лусия насупилась и снова отвернулась к окну.

– Лу... пожалуйста, не говори пока папе. Но я собираюсь уйти из нашей труппы. – Совсем уж тихо сказала я, поглубже зарывая лицо в шарф.

– Что?! Каталина, только через мой труп! Ты поступишь в Принстонский университет, слышишь меня? Если ты бросишь балет сейчас, то лишишься стипендии, и что дальше, бесполезный колледж без перспективы и уличный попотряс? – Лусия склонилась надо мной, источая аромат лака для волос и цветочных духов. – Как старшая сестра, я...

– Боже мой, опять она про разницу в сорок пять минут! – Пропыхтела я.

– Вот именно, я на сорок пять минут дольше знаю этот мир, Кэтти, и с уверенностью могу тебе сказать, что балет сможет проложить тебе дорогу, а то, чем занимаешься *ты*, и танцами-то не назовешь!

Я снова посмотрела на сестру, собралась высказать все, что думаю о ней и балете, но меня ослепил свет фар, а после сильный толчок, боль и тьма.

Глава 1

2021 год, Принстон, штат Нью-Джерси

Студенческое общежитие располагалось на юге территории кампуса, в одном из шести жилых колледжей Принстонского университета – в Колледже Батлера. Несколько невысоких построек из красного кирпича прямо напротив основного здания университета. У колледжа тоже был свой мини-сквер, да и вообще кампус, расстилавшийся на шестьсот акров, больше был похож на отдельное поселение.

Если перейти через Элм Драйв, то ступишь на территорию Колледжа Уитмена. Его здание светлее, с желтыми деревянными дверьми, напоминало старинную крепость. В общем, чувствовалась здесь атмосфера средневековья, рыцарей, готических мотивов и периода Регентства.

Осенью аккуратные лужайки покрывались оранжевыми и алыми листьями, летом ослепляли зеленью, весной кутали в ароматы цветущей природы, а зимой... зимой территория походила на склеп. Голые ветки деревьев торчали в разные стороны, словно пики, готовые пронзить безалаберных студентов. Снег выбеливал все тропы и укрывал газон, днем от него резало глаза, ночью он сияющими переливами помогал разглядеть путь.

Я знала это потому, что училась здесь уже третий год и

не раз наблюдала за сменой сезонов. Что оставалось неизменным, так это шум, даже в каникулярный период. Тысячи студентов, тысячи голосов, десятки разных языков смешивались в Принстоне. Пятьдесят две тысячи долларов в год за то, чтобы получить образование, место в уютном общежитии и диплом университета Лиги Плюща.

Мне повезло стать стипендиатом. Так говорят.

По большей части мне было плевать на учебу. Да и на свою жизнь в целом, после кошмарного зимнего дня, отнявшего у меня часть души три года назад. Я брела на очередное занятие балетной труппы, пиная все, что попадет под ноги, и вспоминая мексиканскую брань. Приближался Хэллоуин, он же и День мертвых: вокруг висели скелеты, ведьмы, тыквы, мексиканские и испанские закусовые украшали расписные маски, черепа и желтые бархатцы.

Мне, как наполовину мексиканке, был ближе День Мертвых, и с некоторых пор он стал самым важным днем в году. В своей комнате я соорудила маленький алтарь с фотографиями мамы и сестры, рассыпала бархатцы и зажигала свечи. Мы с моей соседкой Джун не особо ладили, её к тому же раздражал запах ладана, поэтому она тихо ворчала каждый год в период с тридцатого октября по третье ноября.

Выйдя на Александер-стрит, я подождала, пока меня пропустит автомобиль, перебежала дорогу, наступив новыми белыми кроссовками Reebok в глубокую лужу, и пошла вдоль нескольких кафе, бранясь, на чем свет стоит.

– Кэт!

Я надеялась, звали не меня, ускорила шаг и пошла дальше.

– Каталина!

Черт.

– Ой, Холли, это ты! – Облегченно вздохнула я.

– Ты что, делала вид, что не слышишь? – Холли встала в позу, приподняв бровь.

– Я, правда, не слышала! – Почесала нос я.

Холли закатила глаза и причмокнула губами так, как могли сделать только истинные афроамериканки. Её длинные, ярко-розовые ногти норовили выколоть глаз прохожему, так бурно она перебирала пальцами в воздухе и сопровождала ими каждую реплику. В эту нелетную, дождливую погоду на ней были розовый полушубок и сапоги на шпильках.

– Ты на свое «Лебединое озеро» спешишь? – Спросила она.

– Угу. – Промычала я.

– Слушай... – Холли огляделась по сторонам, затем открыла сумку и принялась в ней копать. Со стороны все выглядело так, словно она собиралась толкнуть мне запрещенные вещества. – Вот, возьми. Почитай на досуге. Если заинтересуешься, встретимся в «Эспачо», в восемь вечера.

Я взяла из её рук листовку и, не глядя, пихнула в свою спортивную сумку.

– Спасибо, Холли.

– Надеюсь, до встречи, Каталина.

Роскошная девушка развернулась на каблуках и направилась к пешеходному переходу. Я продолжила браниться по пути в студию.

И чего это Холли мной заинтересовалась? Она была студенткой выпускного курса, мы познакомились на одном из открытых занятий по танцам. Так как училась я на факультете гуманитарных наук и была стипендиатом благодаря балету, дисциплину «Танцы» мне в программу обучения включили автоматически. Холли занималась танцами в направлении highheels², так что встретить её без каблуков было равносильно встрече с Йетти. То есть невозможно.

В общем, наше общение с Холли Кэмпбелл ограничивалось открытыми занятиями. Друзей в Принстоне я не заводила и старалась держаться тенью. Даже девочки с балетной труппы, которые перешли в принстонскую группу вместе со мной, ещё на первом курсе поняли, что к общению я не расположена. Я приходила на занятия, молча выкладывалась по полной, ответственно и качественно готовилась ко всем официальным выступлениям (мы теперь представляли университет), но не вкладывала в танцы самого главного – душу.

А ещё мне надоело голодать. Стоило увеличить порцию обеда в половину или употребить мучное, задница вырастала вдвое – волшебство, не иначе. А крупные ягодицы несурраз-

² HighHeels – это микс различных танцевальных стилей, а именно синтез популярных современных направлений: hip-hop, vogue, waacking, jazz modern, twerk, jazz funk и др., исполняемый на каблуках.

но смотрелись под бледной пачкой. Я вообще была неординарной балериной или, как говорила Лу, мы были секретным рецептом Крабс Бургера. Без нас группа выглядела блекло, а с нами – аппетитно и ярко.

По-моему, это с ней всё на свете выглядело ярко. Она забрала все краски мира и оставила меня в бесцветной Вселенной. А ведь если бы я сидела на её месте, все закончилось бы наоборот. Теперь я живу мечтой сестры, чтобы она реализовывалась через меня. Так хотела бабушка, так хотел отец, так хотела Лу, но только не я.

Балетный класс находился на втором этаже двухэтажного домика, ровные стены которого были выкрашены в бардовый цвет. На окнах крепились кашпо, в которых летом цвели фиалки и анютины глазки. Взбежав по лестнице, я вошла в класс, где уже все были в сборе и готовились к занятию. Присев на пол рядом с гигантским зеркалом во всю стену, я переоделась в боди, натянула гетры, обула пуанты, собрала кудрявые, мелированные волосы в пучок и встала к станку.

Крепления станка немного расшатались и поскрипывали. Миссис Уайтстоун, – хореографа тоже перевели в принстонскую группу, – нажала «Play» на магнитофоне и из колонок полилась очередная классическая мелодия. Растяжку я выполняла на автомате, из года в год, каждые два дня я повторяла одни и те же движения. Хорошо, что сегодня не репетиция, и не нужно выкладываться и скакать по всему классу.

– Очень хорошо, девочки. – Сделала заключение в конце

занятия миссис Уайтстоун. В волосах преподавателя начала проскальзывать седина, спина осунулась. – Напоминаю вам, что второго ноября у нас концерт. Финальная репетиция будет первого числа. Надеюсь, все готовы?

– Конечно, миссис Уайтстоун. – Кивнули мы.

– На концерт придет ректор университета, так что не подведите.

Мы синхронно принялись переодеваться в уличную одежду. Пытаясь натянуть кроссовки, я засмотрелась на стену. Здесь, в память о Лусии и Герте, погибших в той автокатастрофе, висели их портреты с выступлений. Сначала меня взбесило то, что хореограф посмела повесить перед моим носом фото самого любимого человека на свете. Будто нарочно хотела причинить мне боль. Но миссис Уайтстоун сказала:

– Кэтти, моя милая девочка, мне очень жаль. Знаю, что тебе придется тяжелее всего, связь двойняшек нерушима. Но мы тоже любили Лусию и гордились ею. Она была одной из самых ярких звездочек балета за всю мою карьеру. Никто так не отдавался на сцене, как она. Ты ей почти не уступала, но такого огонька в глазах у тебя никогда не было. Эта ужасная трагедия всех нас пошатнула, но теперь ты здесь, и, я уверена, мечты Лу осуществишь ты.

Три года назад это высказывание меня растрогало. Сегодня я смотрю на их портреты с мыслью о том, почему никого не интересуют *мои* мечты?

Спускаясь по лестнице к выходу из студии, я рыскала в сумке в поисках воды, но наткнулась на смятую листовку. Точно, Холли. Достав небольшой синий флаер, я прочла рекламу:

«Внимание, Принстон, КАСТИНГ!

Мы знаем, что среди студентов Принстонского университета

Есть множество талантов.

Если тебе от 18 до 23, ты умеешь танцевать и знаешь, как показать себя,

Мы ждем тебя на кастинге в состав танцовщиц

*Для клипа популярного рэпера – **ВиДжей Тага***

2 ноября, 10:00, Филадельфия, Спортивный зал на Мемфис-стрит»

– И что это за... – Пробурчала я.

Заиграла песня The Way I Are, флаер чуть не вылетел из моих рук в окно, пока я пыталась достать телефон. Звонил папа.

– Да, папочка!

– Привет, милая. Как дела? Ждать тебя на выходные? – Папин голос, родной и громкий, раздался в трубке.

– Пока не знаю. Хотелось бы приехать, но это не точно. У нас будут вечеринки в честь праздников. – Я чесала нос на ходу. – Сейчас выхожу с балета. Как у тебя дела? Как бабуля?

– О, вечеринки! – Папа что-то неразборчиво пропыхтел. – Ты, кажется, давно на них не ходила?

– Ни разу, если честно. – Выдохнула я.

С момента поступления моего энтузиазма хватало только на то, чтобы дойти до пары или балетного класса. Я даже новых вещей не покупала в течение трех лет, чтобы не выезжать за пределы кампуса.

– Почему? – Спросил папа, потом, видимо, сам нашел ответ на вопрос. – Кэтти, детка, тебе двадцать один, самое время для безбашенных поступков. У меня ведь даже нет повода, чтобы отругать тебя. Придумай же что-нибудь.

Я рассмеялась, посмотрела по сторонам, переходя дорогу, и двинулась в сторону «Эспачо».

– Пап... мне кажется, не совсем правильно радоваться жизни, когда...

– Каталина, – прервал отец. – Думаю, с тебя уже достаточно скорби. От того, что ты повеселишься, твоя боль никуда не исчезнет. Она будет жить с нами всегда, наша задача научиться её обуздывать, контролировать. Или ты думала, я буду осуждать тебя за вечеринку?

– Нет, что ты, – чертов нос продолжал чесаться. Как бы полицейский патруль не подумал, что я использовала его не по назначению. – Я сама себя осуждаю.

– Зря. Ты ведь так усердно занимаешься, танцуешь. Всем нужна разгрузка. Кстати, когда у вас выступление?

Я резко остановилась и посмотрела на флаер. Второе ноября. Хм...

– Вроде как второго ноября. А что?

– Думал, может, приеду, посмотрю на свою звездочку. Бабуля Карла передает тебе привет. – Громко передал отец, затем прошептал. – Она сводит меня с ума своими мексиканскими сериалами.

Я снова рассмеялась. Бабушка Карла, сколько я помнила, всегда крутила мыльные оперы. По вечерам мы с Лу возвращались со школы и усаживались с бабушкой на диван. Она делала домашний сырный соус для начос по собственному, неповторимому рецепту. Как же было вкусно...

– Ладно, папуль, мне пора. Люблю тебя. Спишемся.

– Пока, детка. – С грустью ответил он и отключился.

Я любила отца. У нас с ним связь всегда была крепче, чем с мамой. Бабушка Карла даже говорила, что Эсмеральда (то есть мама) поделила нас между собой и отцом, и забрала к себе любимицу Лусию. Мама родилась и выросла в Мексике, в самый разгар расизма и яркой депортации мигрантов. Конечно, к мексиканцам и полукровкам до сих пор относятся с подозрением, никого не волнует, что на дворе двадцать первый век. Папа же был урожденным американцем – так мы получили американскую фамилию, гражданство, но доминирующие гены рода Лупита выдавали помесь наших кровей.

Родители познакомились у границы Мексики. Мама, держа в руках истоптанные танцевальные чешки, почти сутки шла в Америку. Ей надоело жить в деревне, она мечтала стать балериной и учиться в танцевальной школе, в которой бы не протекал потолок, где был бы хоть минимум санитар-

ных условий, и, конечно, перспективы. Она шла к американской мечте, когда отец, работавший в таможене на границе, преградил ей путь.

Стояла ночь, пустынная дорога, ещё несколько метров – и она была бы в Нью-Мексико. А тут какой-то неотесанный мужлан выставил перед ней руку и не давал пройти дальше. Знал бы он, что во рту её больше суток не было ни крошки, ни капли воды.

– Мисс, предъявите паспорт. Или вы решили нелегально пересечь границу?

Мама всегда говорила, что папа «рассматривал её в лунном свете, не отрывая глаз». Мне кажется, виной тому было его зрение в минус шесть.

– Я решила покорить чертову Америку, и никто меня не остановит! Слышишь?! *Quítate de en medio, tonto, estoy persiguiendo un sueño, bailaré ballet, y no me importa...*³

А дальше свалилась папе в руки с голоду. Так как патрулировал тот участок границы он в одиночестве, то решил спрятать сумасшедшую беглянку в своем авто до конца смены. С тех самых пор, они были вместе. С балетом у мамы не срослось, так как не успела она отучиться и года, как забеременела мной и Лусией.

Папа ушел из таможни, стал офисным работником. Мама, не сумев покорить Америку, но покорив отца, воспиты-

³ – Уйди с дороги, недотепа, я иду за мечтой, я буду танцевать балет, и плясать... (исп.)

вала нас до пятнадцати лет, подрабатывая то официанткой, то уборщицей. После смерти мамы, к нам переехала бабуля Карла, чтобы помочь отцу с тяжким бременем в формате двух двойняшек и со скорбью.

У меня была чудесная семья, которая постепенно сыпалась на части.

Всю дорогу до кафе я разглядывала листовку. Войдя в теплое помещение, я сразу заметила розовое пятно – Холли, за столиком в самом углу, рядом с окном. Холли улыбнулась при виде меня и жестом пригласила присесть.

– Значит, тебе интересно? – Первым делом спросила она.

– Мне интересно, зачем ты вообще мне это подсунула? – Усмехнулась я. – Думаешь, в клипе рэпера будет актуальна балерина?

Холли повела бровями, поставила локти на стол и загадочно задвигала пальцами.

– Детка, я видела тебя.

– А?

– У баскетбольной площадки. В августе. – Холли манерно сжала губы и постучала ногтями. – И если это была не ты, то что за сексуальная мексиканочка зажигала под Ludacris?

Я громко застонала и откинулась на спинку диванчика. Сняла шарф, куртку, подбирала слова.

– Допустим, это была я. И что?

– И что?! Девочка моя, ты что забыла в этом образе стручка горохового на сцене? С твоими формами, движениями, да

ты моих подружек обскакала! А как на тебя смотрели парни... – Здесь Холли присвистнула и выругалась.

Я не смогла сдержать улыбки. Быть в центре внимания мне всегда нравилось, буквально крышу сносило, когда видела жадные взгляды. За это я и любила такой стиль танцев – на тебя приходят посмотреть, потому что каждое твое движение влечет, вызывает импульс, на балете же пятьдесят процентов зрителей спали.

– Во-о-о-т, ты улыбаешься. Я твою улыбку видела всего раз, у баскетбольной площадки.

Я придвинулась, чтобы высказаться, но тут подошла официантка.

– Готовы сделать заказ?

– Четыре тако с говядиной, мини-чизбургер и клубничный молочный коктейль. – Сходу ответила Холли, словно это был её коронный заказ. – Кэт?

– О, я такое не ем, тем более, после шести... – Мямлила я, а в глазах стояли бургеры.

– Ясно. Ещё, пожалуйста, буррито, картошку фри и... ванильный молочный коктейль.

Я с ужасом наблюдала за удаляющейся официанткой, рассчитав в голове количество калорий и дней, в которые придется голодать. Но это стоило того, чтобы поесть буррито в «Эспачо». Буррито вкуснее я не встречала даже в Мексике. Поваром и владельцем здесь был Хьюго Фернандес, мексиканец, иммигрировавший в США пятнадцать лет назад. Пер-

вое время он продавал традиционные закуски по собственным рецептам из своего маленького трейлера. С чем только не пришлось столкнуться Хьюго, чтобы в итоге держать свое кафе на территории университета Лиги Плюща.

– Пойми, чтобы трясти формами, нужно, чтобы было, чем трясти, милая. – Подмигнула Холли. – Летом ты была ещё ничего, а сейчас снова превращаешься в тощий сухофрукт.

– Холли, – тепло улыбнулась я, пораженная искренним участием девушки. – У меня не получится попасть на кастинг по двум причинам. Первая – второго ноября будет концерт, наше выступление с балетом. Вторая – за последние три года я тренировалась в хип-хопе и твёрке всего раз, там, на баскетбольной площадке.

Нам принесли еду, Холли взяла картошку, смачно макнула в сырный соус, и, размахивая ей в воздухе, заговорила:

– То есть причины «я не хочу» твой список не предусматривает. Отлично. Тогда все просто. На концерт ты можешь просто не пойти, а с тренировками... есть у меня одна идея.

– Просто не пойти? – Я громко хохотнула, посетители с презрением глянули в нашу сторону. – Может, ты не знала, но я прохожу обучение благодаря стипендии, балетной стипендии.

– И что, тебя отчислят за то, что ты заболела? – Снова повела бровями Холли.

– Но...

– Именно. Скажешь, что отравилась или что-то в этом ду-

хе.

И почему раньше я не задумывалась над тем, чтобы отлынивать от занятий?

– Не знаю. Я никогда так прямо не обманывала, то есть, не прогуливала занятия.

– Все бывает в первый раз. Завтра после пар приходи на баскетбольную площадку. Там я тебе покажу, что делать дальше.

– Делать дальше? – Уточнила я, вгрызаясь в сочное сочетание говядины, фасоли, соуса, помидоров и картошки.

– Просто приходи. А не придешь, так больше моей помощи не жди! – Воскликнула Холли, перебрасывая десяток тонких косичек, в которые были заплетены её темные волосы, на другое плечо. – Подумай хорошенько.

Я хлюпала ванильным коктейлем, не отрывая глаз от Холли. Не ждать помощи? Не то, чтобы я о ней вообще просила. Но от этой девушки шла такая мощная энергетика и самоуверенность, что я решила промолчать. Мысли лихорадочно закружились, доедала я полностью поглощенная размышлениями. Официантка вернулась с чеком, Холли выложила деньги за нас обеих.

– Я заплачу, ты что...

– Заплатишь за нас в следующий раз, детка. Мне пора в салон, эти розовые крошки уже отжили свое, – Холли махнула перед моим лицом яркими ногтями. – Подумай.

Не прощаясь, Холли встала из-за стола и застучала каблук-

ками к выходу. Я ещё минут пять пялилась в пустые тарелки, потом схватила спортивную сумку и вышла из кафе. В тот вечер я впервые за все время обучения вытащила из потайного кармана наушники. Долго выбирала песню, затем на всю громкость включила Wale – BadGirlsClub (feat. J. Cole) и ощутила острое дребезжание в мышцах. Тело требовало танца! Подпевая, я, наконец, широко улыбнулась, пританцовывая в сторону общежития.

Глава 2

На следующий день у меня по расписанию стояло три пары. Ночью я плохо спала от перевозбуждения. Или от того, что Джун играла в онлайн-игру и ругалась на товарищей на беглом китайском, кто знает. Проснувшись, я направилась в ванную. У меня дрожали руки от предвкушения. Отражение в зеркале меня расстроило, и я твердо решила записаться на ближайшее свободное окошко в салон красоты, а после закупить новой одежды. С деньгами у меня проблем не было, а вот с меланхолией были.

После смерти Лу, я перестала слушать любимую музыку. В доме, как и в балетном классе, играли только классические или умеренно-медленные произведения, под которые не было желания ни то, что танцевать, от них желание жить пропадало. Подбирая одежду, я тщательно разглядывала каждую вещицу, словно видела впервые. В целом, так оно и было, ведь кроме двух пар джинс и нескольких кофт, я ничего не носила.

Я остановила выбор на темно-серых спортивных штанах, такого же цвета топе с ромашкой между грудей, и сверху накинула теплую, флисовую кофту на молнии. У неё был толстый, мягкий капюшон, да и погода сегодня разгулялась – солнце с самого утра нагрело нам комнату.

Вставив в уши давно забытые, но такие родные, золотые сережки-кольца, я пальцами расчесала кудряшки и пошла на занятия, прихватив наушники. Первой парой стоял французский язык. Миссис Дюпре при виде меня высоко вскинула брови, пригладила зализанный пучок осветленных волос, смочила палец слюной и перевернула страницу.

– Продолжим изучение составления деловой корреспонденции. Это научит вас также вести деловые переговоры, ведь если вы всерьез углубитесь в деятельность международных отношений, или вам придется подписывать контракты с французскими организациями, без этого курса далеко не уйдешь. – Говорила миссис Дюпре с выраженным французским акцентом. Маленькая женщина раздала нам бланки для составления писем. – Изучим параграф, а за пятнадцать минут до конца занятия напишите письмо.

Мне не очень нравился французский, но немецкий был уж совсем неприятен, а восточные языки мне бы просто не дались. Плюс, балерины *должны были* бегло общаться на французском, как на языке высокой культуры. С миссис Дюпре у меня сразу все пошло наперекосяк, её раздражал мой испанский выговор. Как бы папа не старался, мы с сестрой переняли манеру речи у семьи Лупита. В группе нас было около тридцати человек, но ни с кем из них я близко не общалась. Наше общение ограничивалось общим чатом взаимовыручки по домашним заданиям и важным объявлениям.

Честное слово, я мечтала побывать хотя бы на одной ве-

черинке, но совесть не позволяла. Как можно отдыхать, потеряв сестру? Каждый вечер, стоило закрыть глаза и попытаться уснуть, меня ослеплял свет фар, слышался хлопок, и тело вздрагивало, как в тот день, словно отброшенное в угол салона. Но самый ужас состоял в кошмарах. Лу сидела на том же роковом месте микроавтобуса, каждый раз отчитывая за «попотряс», потом невинный взгляд её черных глаз, и резкое пробуждение в холодном поту. Да, кажется, я начала понимать, почему Джун меня недолюбливает. Я ведь не только жгу свечи и кричу по ночам, но и круглыми сутками (за исключением дней балета) сижу в комнате, не давая ей и шанса на развитие личной жизни. А ведь она давно влюблена в выпускника из соседней общаги.

Любовь... что-то далекое для моего сознания. В шестом классе я влюбилась в восьмиклассника Роба Лайота, потому что он донес мой портфель до дома, а потом поделился ластиком. Мне казалось, это верх галантности. Потом мама объяснила мне, что этого мало, чтобы полюбить, что нужно хотя бы поговорить с человеком и понять, как вы мыслите, насколько схожи ваши интересы. Выслушав её долгие рассуждения о любви (я не стала припоминать маме, что отец влюбился в неё после первой же произнесенной фразы), я твердо решила выяснить, насколько мы с Робом подходим друг другу. Придя в школу, я выцепила Роба в столовой, можно сказать, зажала в угол и спросила: «Какое у тебя хоби?»

– Э... хобби? Я люблю смотреть матчи по телеку, пить пиво с пацанами и... любовь к сочным мексиканочкам входит в понятие «хобби»? – Ответил он.

Помню, я скривилась, поборола рвотный позыв, перевернула его поднос с едой, заляпав всю форму Роба соком, и ретировалась. С тех пор я прослыла *слегка* поехавшей. Лусия же считалась воплощением женственности и нежности. Хотя мы и родились с разницей в сорок пять минут, а оказались абсолютно разными. Её нос был шире моего, а мои губы более крупными, нежели её. Глаза и волосы у нас были идентичными, только свои я отрезала в шестнадцать и *слегка* осветлила мелированием, а Лу оставила темные, как сумрак, волосы длинными. Она мечтала о принце, а я фанатела от плохишей из фильмов нулевых. Она мечтала покорить Францию, а мне хотелось сводить всех с ума изгибами тела, которые может показать только танец. Она знала, к чему стремилась, любила Дэвида Тернера, с которым однажды познакомилась, подрабатывая в кинотеатре, а я хотела уехать в Лос-Анджелес и танцевать до потери пульса. Мы были разными, но самыми близкими. Без неё я потерялась, без неё мне ничего не хотелось.

Прошел один год, за ним второй. Боль стала верным другом, обещавшим не оставлять меня до конца моих дней. Но в один жаркий летний день я проходила мимо баскетбольной площадки и заметила танцующих старшекурсниц и незнакомых ребят. Пока мой мозг посылал сигналы типа: «Иди даль-

ше», «ты опаздываешь на балет», сердце незаметно и шустро подтолкнуло меня в эпицентр движения, а тело с радостью отозвалось на долгожданный танец. Холли права, тогда я, кажется, впервые искренне улыбалась. И, благодаря Холли, я улыбалась и сейчас, спеша к баскетбольной площадке.

Услышав вступление любимой песни J.Cole–WorkOut, я ускорила и настигла ребят раньше припева. Парни играли в баскетбол, удары мяча заглушала музыка. Девушки, полураздетые, несмотря на пятьдесят девять градусов по Фаренгейту, подпевали и создавали свой собственный танец, двигаясь в такт мелодии. Я решительно скинула кофту и бросила на мини-трибуны. Нет, свою любимую песню я ни за что на свете не упустила бы. Влившись в атмосферу, я следовала зову тела. Девчонки, в основном темнокожие красавицы, окружили меня, прихлопывая и щелкая пальцами (этим они сильно напомнили Холли, я всерьез боялась их длинных ногтей). Взбодрившись от такого добродушного приветствия, я задвигала бедрами. Кудри летали из стороны в сторону, в какой-то момент мне показалось, что стало совсем тихо, и я на секунду вышла из танцевального транса. Оказывается, баскетболисты приостановили игру и любовались нами.

От кончиков пальцев до макушки по мне пробежал жар наслаждения. Эндорфин подскочил так, что меня пошатнуло, а челюсть свело от улыбки. Тут начался финальный припев, и мы всей толпой, включая игроков, не сговариваясь пропели его вслух, прихлопывая и покачиваясь:

– Скажи мне честно,

Ты правда хочешь любить меня вечно?

(Оу, оу, оу)

Или это просто секс на одну ночь?

И так до самого конца песни. После последней строчки мы улюлюкали и хлопали друг другу. Это было незабываемое чувство: словно тебя захватило волной и унесло в глубину моря, полного энергии.

– Хэй, ребята! Познакомились с моей кошечкой⁴? – Холли изящной походкой прошагала ко мне, пока я размышляла, как тонкие бретельки её золотистого топа способны выдержать такую объемную... – Кэтти, мне, конечно, приятно, но где твоё воспитание!

Холли скрестила руки на груди и громко рассмеялась.

– А на что ты надеялась, надевая этот топ? – С усмешкой спросила я, даже не пытаюсь оправдываться. Баскетболисты засвистели.

– У-у-у, Холс, эта кошечка права! Где ты её прятала от нас? – Воскликнул самый высокий игрок с кожей цвета молочного шоколада. На нём была форма, состоящая из атласных футболки и шорт насыщенного синего цвета. Ещё ни на ком синий цвет не смотрелся так дорого.

– Бэнкс, закатай губу, это моя девочка! – Заявила Холли,

⁴ Игра слов: сокращенное имя Каталины «Кэт» созвучно английскому «Cat» (кошка).

затем обратилась ко мне, – рада, что ты пришла. Это было потрясающе, вас даже сняли на видео! А теперь пойдем, я ведь обещала тебе кое-что показать.

Я была настолько переполнена эмоциями, что не сразу сообразила, что мы куда-то идем. Накинув кофту на взмокшее тело, я поспешила за Холли, которая даже на каблуках умудрялась идти быстрее меня.

– Погоди, разве ты мне не баскетбольную площадку хотела показать? – Спросила я, догоняя.

– Зачем мне показывать тебе то, что ты сама сто раз видела? Нет, мы идем в другое место. Хочешь кофе? – Холли указала на Starbucks.

Только взглянув на зеленую русалку, изображенную на вывеске, я ощутила дикую жажду.

– Да, пойдем. – Кивнула я.

Выйдя из кофейни с двумя стаканами айс карамель маккиато, мы свернули налево и пошли в сторону боксерского центра.

– Нам сюда, – Перехватила меня Холли, когда я прошла мимо центра.

– Э-э... боксом заниматься будем?

– Бокс на первом и втором этажах, а нам в подвал. – Объяснила Холли, придерживая для меня дверь. – Ну, чего ты боишься? Что я сдам тебя в рабство?

– Очень смешно. – Вздохнула я и поплелась за Холли.

Нас встретил узкий коридор и долбящий альтернативный

рок, доносившийся из секции по боксу. У входа стоял стенд с выдающимися учениками и тренерами, а также стеклянный стеллаж с кубками и медалями. Я быстро нашла среди портретов Реймонда Беннета ⁵ – по словам студенток, первого самого сексуального парня, чья нога когда-либо ступала в Принстонский университет, вторым был Аштон Холл, – шикарного брюнета с татуировкой орлана. «*Чемпион мира по боксу по версии WBA*» – гласила надпись.

– Мы сюда не Реем любоваться пришли, Кэтти, вперед!

– А ты была с ним знакома? – Поинтересовалась я, отпивая кофе.

– Да, он окончил университет в две тысячи девятнадцатом. Многие сходили по нему с ума, а какая там была заварушка с фифами из сестринства «Дзета, Хета, Эта»!

– Как я рада, что отказалась от идеи жить в коммуне. – Хмыкнула я, спускаясь по винтовой лестнице вслед за Холли.

– Согласна, не самое приятное соседство. Так, милая, добро пожаловать! – Развела руки Холс, демонстрируя широкое пространство.

Мы оказались в танцевальной студии. За годы тренировок я их ни с чем не спутаю. Все располагалось по классике: зеркало во всю стену, станок, слева стояли разноцветные коврики для растяжки, в центре упирались в потолок шесты

⁵ Отсылка к другому роману автора «Холодный кофе, или Новая жизнь Офелии Коулман», где Реймонд Беннет является главным героем.

для poledance. Само помещение было еле освещено, стены окрашены в черный цвет, светлый пол, над зеркалом висели разноцветные прожекторы. Из небольшого магнитофона играла песня «Giveittome», я удержалась, чтобы не ворваться в танец. На занятии присутствовало около пятнадцати человек. Каждый из них чем-то отличался: синими волосами, габаритными формами, нечеловеческой гибкостью, восточной внешностью и так далее. Объединяло их одно – танцевальный номер. Было заметно, что эти связки исполнялись в качестве «передышки» и прогрева мышц, но от них невозможно оторвать глаз.

– Да, милая, ещё хоть слово о том, что тебе нравится балет, и я сматываю удочки. Да ты же вся издергалась от желания присоединиться! Иди, покажи им, как ты чувствуешь музыку!

Вновь отбросив куртку и вручив Холли стакан кофе, я встала в последний ряд и удачно повторила почти все движения танцоров, влившись в коллектив. По окончании песни, ко мне подошли Холли и очень, даже слишком красивая девушка-блондинка с фиолетовыми прядями у лица.

– Кэт, это Барбара.

– Можно просто Барб, – тут же вставила красотка.

– Очень приятно, Каталина. – кивнула я, протягивая руку.

– Барбара здесь хозяйничает. – Объяснила Холли. Я любовалась Барбарой. Её глаза были синими, почти фиолетовыми, как пряди. Тонкий носик, губы сердечком, острый под-

бородок. Одета она была в короткие черные шорты и белую майку – костюм обтягивал идеально подтянутую фигуру.

– Холли рассказывала о тебе. Ты хочешь у нас заниматься?

Я крикнула и взглянула на Холли, та сделала такое суровое выражение лица, что я ещё сильнее сконфузилась.

– Я? Да, конечно, было бы здорово... – Промямлила я.

– Отлично! Форма у нас свободная, я тебе отправлю расписание на почту, окей? Вот, возьми, – Барб протянула мне смартфон, – запиши свой электронный адрес. Знаешь, Кэтти, у тебя большой потенциал! Ты потрясающе чувствуешь музыку и тело. Они работают, как одно целое.

– Спасибо, Барб, мне очень, очень приятно! – Я улыбалась, не переставая. – А можно мне остаться сегодня на вашей тренировке?

Барбара взглянула на Холли, повела бровями и кивнула, мол «а она хороша».

– Что ж, я вас оставляю, мои занятия начнутся через полчаса. До встречи, девочки.

Холли удалилась к лестнице.

– Эй, ребята, у нас новенькая! Каталина...

– Джеферс. – Закончила я и слегка поклонилась.

– Привет! – Хором поприветствовали танцоры.

– Не будем прерываться на знакомства, у нас и так осталось всего двадцать минут тренировки. Эй, Шерри! – Обратилась Барбара к синеволосой девушке. – Включи нам что-

нибудь для изучения базы. – Затем она повернулась ко мне. – Кэтти, тебе в некоторых моментах не хватает техники и резкости. У тебя потрясающие изгибы и плавные движения, что делает танец более гармоничным и притягательным, но у нас ведь есть определенная база, которую следует использовать в танце. Особенно, если ты будешь выступать с нами.

– Вы...выступать с вами? – Не поняла я.

Но Шерри уже врубила песню Florida (feat. T-Pain) – Low.

– Крисс-кросс! – Прокричала Барб.

Я постаралась повторить шаг на подъеме с прыжком, затем перекрестные прыжки.

– Кик болл чендж!

Простейший элемент с раскачкой в обе стороны. На протяжении всей песни Барбара выкрикивала незнакомые для меня названия (не многому я успела обучиться за пару месяцев подпольных занятий в школьные годы), и я не всегда успешно пыталась их повторить. Двадцать минут показались вечностью, когда Шерри отключила колонки, мне казалось, что из меня выбили весь дух и до общежития я просто не дойду. Все ребята улыбались и бодрячком подпрыгивали, присаживаясь на пол или переодеваясь. Я лежала пластом и смотрела в потолок, который словно трясся от боксерских боев.

– Я – Шерри. – Протянула мне руку милая темнокожая девушкалет двадцати. Её синие волосы были обрезаны каре. Голубой топ и белые шорты сногшибательно сочетались с

цветом её кожи.

– Каталина, – Приняла рукопожатие я. – Просто Кэт. Давно ты здесь танцуешь?

– Я пришла около года назад. Старички здесь Барбс и Флойд, – Шерри показала пальцем на смеющегося шатена с россыпью веснушек на носу. – У тебя отличная пластика, ты ведь уже занималась танцами?

– Я... балерина. – Выдавила я.

– Уоу! – Шерри хлопнула в ладоши. – Балет для меня слишком сложен. И, как бы сказать, вгоняет в рамки что ли. Танец должен быть свободой.

– Очень верно подмечено. – Грустно усмехнулась я.

Барбара подошла к нам, культурно отослав Шерри переодеваться, и отвела меня в уголок.

– Не переживай, быстро вольешься. – Барбс приобняла мою спину.

– Спасибо за такую классную возможность. У вас здесь такая атмосфера...

– Всегда пожалуйста. Ты, главное, отнесись к этому со всей ответственностью. Я ведь тоже не благотворитель. – Теперь Барбара скрестила руки на груди.

– Я все понимаю. Просто удивлена, что Холли решила за меня так взяться. Мы ведь почти не общались. – Пожала плечами я, хватая куртку и допивая остатки кофе с растаявшим льдом.

Барбара улыбнулась, поджала губы, словно решая, посвя-

щать ли меня в тайну.

– Дело в том, что Холли тоже потеряла кое-кого. Родного брата, в перестрелке. Они оба занимались хип-хопом. Холли потом год не ходила на занятия, а затем и вовсе перешла на highheels.

Я не знала, что и сказать. Перед глазами вспыхнул образ экстравагантной Холли, привлекавшей внимания любого, стоило ей зайти в помещение. Вот, какую боль она скрывала под маской самоуверенной красотки с отменным чувством юмора. Мне вдруг захотелось, чтобы Холли была рядом и приняла мои объятия.

– Судя по твоим щенячьим глазкам, ты этого не знала. – Печально улыбнулась Барб. – Да, мы поддерживали Холли, как могли. Но время лечит. И тебя вылечит. Жизнь не успокоится, пока хорошенько нам не подгадит.

– Спасибо, что поделилась со мной. – Кивнула я. – Мне следует быть внимательнее к людям, я слишком глубоко ушла в свой антисоциальный кокон.

– Дерзай, Кэтти, все получится. Жди письмо с расписанием. – Завершила разговор Барбара и вернулась к ребятам.

Мне было неловко нарушать их дружескую идиллию, так что я незаметно скрылась по винтовой лестнице. В холле я ещё разок полюбовалась фотографией Реймонда Беннета. Я знала, что он не свободен, но танцы всколыхнули во мне зачатки жизни и эмоций, и я стала обращать внимание на мужскую красоту. Или мышцы.

Не то, чтобы мои ноги не привыкли к нагрузкам, я ведь постоянно тренировалась в балетной студии, но, видимо, из-за того, что задействовалась другая группа мышц, плюс «подвальные» танцы оказались куда более энергичными, я шла по кампусу на деревянных ногах, раскачиваясь из стороны в сторону. Выйдя из боксерского центра, я сразу воткнула наушники, и теперь в моей голове кружились картинки воображаемого танца под CardiB–ILikeIt (feat. BadBunny, JBalvin). Поднявшись на второй этаж и распахнув дверь в нашу комнату, я застала Джун за компьютером с гигантским куском пиццы в руке.

– Джун, привет! Как дела?

Соседка посмотрела на меня, как на умалишенную. Я поздоровалась с ней впервые за два с половиной года сожительства.

3 глава

– Мисс Джеферс?

Я вздрогнула и подняла глаза на профессора Линдмана. Профессору было пятьдесят шесть лет, но ничто в его внешности не указывало на возраст. Ни седины, ни обильных морщин. Линдман всегда выглядел превосходно, словно после каждого рабочего дня посещал элитный гольф-клуб.

– Простите?

– Мне повторить вопрос? – Растягивая согласные спросил он.

О, черт, он задавал вопрос? В моей голове играл воображаемый магнитофон, а фантазия запустила меня в музыкальный клип.

– Понятно. Напомните нам, пожалуйста, что такое социальный конфликт, его сущность, условия, причины.

– Это высшая стадия противоречий, которая возникает между людьми или социальными группами. Причины: убеждения и личные интересы. Например, когда человек отстаивает свои интересы, услышав, как их обесценили. Также, конфликт из-за способа удовлетворения потребности. Например, когда Майк Рот справлял нужду на только высаженной клумбе на территории кампуса, за что тут же получил порицание со стороны педагогического состава и некоторых

девушек.

Студенты хохотнули, вспоминая тот день, профессор Линдман поморщился и нахмурился.

– Общественная дезорганизация, третья причина. Несмотря на то, что мы живем в двадцать первом веке, она все ещё актуальна. Это проблема социального неравенства. По цвету кожи, происхождению, материальному достатку.

Студенты закивали, в основном темнокожие, полукровки и азиаты.

– Хорошо, мисс Джеферс.

Социология закончилась, и я пошла в столовую. По пути на телефон пришло сообщение от Барбары:

«Каталина, лови расписание! :)»

И вложенный файл с гугл-таблицей. Я тут же его открыла.

– Вот черт, – шепнула я под нос.

Расписание было составлено на месяц, то есть до двадцать девятого ноября. Всего две тренировки совпадали с расписанием по балету, и все же я остро ощутила назревающую проблему. Наступит день, когда мне придется выбирать. Я достала из сумки потрепавшийся флаер, который в среду получила от Холли. Кастинг. Второе ноября. Теперь, когда Холс удалось вселить в меня надежду на то, что я способна на большее, что ещё есть шанс ухватиться за хвост упорхнувшей из рук мечты, я не могла упустить возможность. Концерт состоится в восемь вечера. Успею ли я вернуться из Филадельфии к началу? Поезд едет около двух часов. Кастинг

может затянуться. Черт, черт, черт!

– Кошечка! Эй, Кэт! – Кажется, это был Бэнкс, баскетболист. В повседневной одежде его не узнать – такой деловой и высоченный, хоть стремянку носи.

– Привет! – Махнула я. – Не знаешь, где Холли?

– Она там же, где все. На презентации Аштона Холла.

– Аштона Холла?! – Я громко ахнула.

– И что вы все находите в этой белобрысой кукле... – закатил глаза Бэнкс. – Эй, ты что, даже не поешь? – Кричал он вдогонку.

– Я не голодна! – Почесала нос я, – до встречи!

В главном холле университета, потолок и стены которого были покрыты красивейшими витражами с преобладающим синим цветом, собралась огромная толпа, сквозь которую я еле протиснулась. Последние два дня занятия проходили в разных корпусах, и мне не удавалось посетить главного здания. Оказывается, здесь уже было все подготовлено ко встрече с выдающимся выпускником и инвестором. Аштон Холл организовал фонд, в котором ежегодно разыгрывал пять стипендий на разные факультеты.

На большом зеленом плакате, прямо за сценой, висело изображение самого Холла и его отца. В холле было очень шумно: толпа гудела, техники настраивали микрофон. Я пыталась выискать Холли, и заметила кислотно-желтое пятно у сцены. Мне отдавили пальцы на ногах и несколько раз ударили локтями, но я все же добралась до подруги.

– Холс? – Окликнула я.

– Кэтти! – Взмахнула руками та, и её новые, неоновые зеленые ногти ослепили ближайших зрителей.

– Ты что, фанатка Аштона Холла? – Усмехнулась я.

– Нет, милая, он для меня *слишком* белый. – Подмигнула Холли.

И в этот момент Аштон поднялся на сцену. Думаю, женской половине было плевать, что он там собрался презентовать, они хотели воочию узреть этого Аполлона. Ему действительно подходило описание «*слишком белый*». Волосы Аштона были выкрашены в платиновый блонд, белая рубашка сияла чистотой, темно-синий костюм кричал о богатстве. Кожа его была идеального аристократичного оттенка. В общем, он и впрямь был Мистером Совершенством с набитыми карманами.

– Холли, мы действительно будем слушать презентацию? Потом ведь выложат пост с тезисами.

Аштон взял микрофон и пробежал по нам глазами, пухлые губы растянулись в улыбке.

– Привет, студенты Принстонского университета!

Зал взорвался аплодисментами.

– Да, ты права, пойдём отсюда. – Холли протолкнула меня к выходу. – Дышать нечем. Ты искала меня или тоже хотела поглазеть на Аштона?

– И то, и другое. Я подумала, что ещё не отблагодарила тебя за все, что ты успела для меня сделать, и хотела пригласить

сидеть на обед в «Эспачо». – Улыбнулась я, когда мы вышли к скверу.

Опавшие листья обьяли землю, как рыже-алое пламя. Желтые, оранжевые деревья придавали красок серому каменному зданию университета.

– Ну, пойдём. – Холли взяла меня под руку. – Мне всегда было интересно, почему девушки вообще хотят быть с такими, как Аштон.

– Ты точно внимательно его рассмотрела? – Хохотнула я, мы свернули к пешеходному переходу.

– Детка, он, конечно, прекрасен, но разве не очевидно, что с его внешними данными и финансами ни о какой моногамии речи быть не может? – Холли приподняла бровь и, как всегда, манерно сжала губы.

– Как предвзято. – Театрально ахнула я.

– Давай, разубеди меня!

– Насколько я знаю, Реймонд Беннет стал его сводным братом, то есть по сути, у них общее состояние, но он уже какой год предан одной девушке. – Привела пример я. – А вот насчет всяких рэперов я такого сказать не могу. У них словно мозг запрограммирован иметь все, что обладает формами.

– Скорее другой орган, – расхохоталась Холли. Смех её был оглушительным и заразительным.

Мы плюхнулись на диваны в «Эспачо», за тот же столик, где сидели в среду. Официантка подошла к нам, пока мы

снимали верхнюю одежду.

– Слушаю вас.

– Джинжер, мне как всегда. – Отмахнулась Холс, Джинжер кивнула и ручкой задвигала по листку.

– Вам?

– Эм... – я даже подумать не успела, – то же, что и ей.

– Хорошо. Напитки принести сразу?

– Да. – Единогласно решили мы.

– Слушай, – задорно заговорила Холли, как только Джинжер скрылась на кухне, – Завтра ночная вечеринка в честь Хэллоуина и Дня Мертвых. Ты уже решила, в каком костюме пойдешь?

– Я ещё не решила, пойду ли вообще.

Холли выпучила глаза и принялась делать вид, что собирает вещи и сваливает.

– Ладно, сядь на место! – Рассмеялась я. – Это будет моя первая вечеринка за два с половиной года обучения, так что мне немножко страшно. Я думала над тем, чтобы пойти, и даже выбрала традиционный мексиканский наряд. А ты?

– Мне не нравятся студенческие вечеринки, особенно в коммунах, но это же Хэллоуин! Я просто не могу пропустить возможность нарядиться в воплощение своего внутреннего мира. – Щелкнула пальцами Холс.

– В кого же?

– В Женщину-кошку, дорогая, на кого ещё я могу быть похожей?

Я хихикнула, Джинжер принесла нам еду и напитки, так что мы с Холли ненадолго умолкли, поглощая божественную пищу. Следовало ли говорить подруге о том, что Барбара мне все рассказала? Холс ведь, зная о моей трагедии, никогда не принималась её обсуждать. Усердно пережевывая еду, я смотрела на Холли и раздумывала.

– Боже, она тебе все выложила. – Закатила глаза Холли, вытирая рот салфеткой.

– А? – Чесанула нос я.

– Барбара. Рассказала про Джейдена. Вот мой тебе совет – научись контролировать эмоции на лице. Так и вижу в твоих глазах: «бедная, бедная девочка, как бы осторожнее её пожалеть». – Холс грустно усмехнулась. – Все в порядке, мы можем об этом поговорить открыто.

– Ты наверняка знаешь о Лусии, но никогда не поднимала эту тему. – Напомнила я. – Мне неловко задавать тебе вопросы, и в то же время, хочется тебя поддержать.

Холли положила свою ладонь поверх моей руки и тепло улыбнулась. Такого нежного и доброго взгляда я у неё ещё не видела. В основном она ходила с выражением лица в духе: «схавали, сучки?». В «Эспачо» пятничный вечер проходил громко, почти все столики были заняты, но наша кабинка находилась у самого края, так что мне было отлично слышно Холли:

– Мы с Джейденом все детство воевали, как и любые брат с сестрой. Но оскорблять и дубасить друг друга имели право

только мы, если кто-то обзывал меня или трогал брата, то тут же получал от нас обоих. Он был старше на три года, и это было прекрасно – ощущать себя младшей сестренкой, о которой есть кому позаботиться. Родители у нас, мягко говоря, безответственные. Мы родом из Техаса, и если ты помнишь историю о тexasских закрытых клубах, двумя из которых владели Беннет и Холл, то как раз там подрабатывал мой брат. Он не мог позволить себе оставить меня голодной, хотя выбивался из сил, я-то видела. Потом он встретил девушку, она занималась хип-хопом и открыла ему мир танцев. – Холли рассказывала так воодушевленно, что мне самой передалась эта бессмертная любовь к Джейдену. – Вот и меня посадил. А я ими загорелась ещё сильнее, ведь он восторгался своей девушкой и её миром, а я создала *свой* танцевальный мир. Мы выступали несколько раз на самых популярных конкурсах по хип-хопу, первое место заняли только однажды, как раз перед смертью Джейдена.

Теплые, карие глаза Холли увлажнились, но она продолжала широко улыбаться и посвящать меня в сумбурный поток воспоминаний.

– Думаю, нет смысла рассказывать о самой... кончине. Классическая ситуация, черный район, убит темнокожий парень, всем на это плевать, ведь темнокожие сами виноваты в своих смертях, в презрении на протяжении веков, в опасных связях и бла-бла-бла. Хотя все было иначе... – Холли уронила слезу, но лицо её не дрогнуло. – Он был не в том

месте, не в то время. Спешил на их годовщину с Кейси, а в нашем «темном» районе можно приобрести многое по более выгодной цене, сама понимаешь, почему. Хотел выбрать ей подарки. Естественно, у нас с Джейденом там были и остаются друзья. – Холли прокашлялась, взгляд стал жестче, она принялась крутить картошку в соусе. – В тот вечер была погоня. Из обеих машин стреляли, но попали в мимо проходящего Джейдена. Такой вот нелепый конец у одного из самых чудесных людей, когда-либо живших на этой чертовой расистской, эгоистичной и алчной планете.

– Знаешь, я не умею подбирать правильные слова в таких ситуациях. Мне было тошно принимать тысячи соболезнований и жалкие взгляды после смерти Лусии. Скажу одну, жизнь – как волшебный цилиндр, никогда не знаешь, что оттуда вылезет и вылезет ли вообще. Одно известно наверняка – всё это проделки одного фокусника, который не хочет открывать своих секретов.

– Я в философии не сильна, поэтому скажу так: жизнь – та ещё несправедливая сука. Вы с сестрой попали в аварию, да? – Спросила Холс, и меня прошиб пот.

– Да. А ведь если бы у окна села я, Лу могла бы осуществить свою мечту. Ходила бы вместо меня по кампусу, выделялась бы на всех балетных выступлениях, а потом ей бы предложили место в какой-нибудь элитной французской труппе. – Хмыкнула я, помешивая трубочкой коктейль.

– А, так вот почему ты выбрала роль балетной пачки. –

Кивнула Холли. – Все ясно. Я тоже слетела с катушек после смерти Джейдена. Не смогла вернуться в студию и команду.

– Я не слетала с катушек, мне просто стало не до чего. Пока не объявилась ты. – Я искренне улыбнулась новоиспеченной подруге. По крайней мере, мне бы хотелось подружиться с Холс, она нравилась мне с каждым днем все сильнее.

– Я как услышала о твоей истории, сразу обо всем догадалась. Сначала никак не могла вразумить, почему ты не возвращаешься на баскетбольную площадку.

– Я не могу отказаться от балета. Мне кажется, так я предам и Лу, и отца, и бабушку, и маму. – Я никогда не говорила об этом вслух, потому немного смутилась.

Холли долго смотрела мне в глаза, но так и не нашла, что сказать. Когда Джинжер пришла за пустыми тарелками, я попросила счет, и уже через минуту заплатила за нас обеих. Мы вышли из кафе и медленным шагом направились к кампусу. Было странно идти в тишине, ведь Холли редко сохраняла молчание, скорее, из кожи вон лезла, лишь бы не молчать.

– Знаешь, – наконец, заговорила она, когда мы подошли к моему общежитию.

– Не вздумай пороть чушь, типа: «Пути Господни неисповедимы...»

Холли рассмеялась и ткнула меня в бок. Удар у неё тяжелый, еле устояла на ногах.

– Все испортила! А я хотела сумничать! Ладно, черт с ним, ты права – все это чушь. Ни о каком Господе не шло

и речи после смерти Джейдена. Меня осуждали, плевались, как раз пытались заговорить этими избитыми фразами. Какие к черту неисповедимые пути? Это *жизнь*, и каждый день в этом мире умирают десятки светлых людей, а мрази, хуже Теда Банди, продолжают шарахаться среди нас. Если это пути Господни, то увольте, мы с ним не подружимся. – Вскинула руки Холс.

– Слышала бы тебя учительница моей воскресной школы, ты бы плевалась святой водой. – Хмыкнула я. – Но ты права. Такие бессмысленные потери отбирают веру, неважно, в кого: в себя, в Бога, в людей. И если бы пару недель назад меня спросили: «Как ты научилась жить дальше?», я бы ответила «никак». Я не научилась, и уж тем более не жила. Существовала по запрограммированной рутине. А теперь хочу жить, Холли, и мне стыдно.

– Эй, детка! – Холс резко встала передо мной и приподняла пальцами мой подбородок. – Стыдно должно быть водиле, который въехал в ваш микроавтобус, уж точно не тебе. Мы все когда-нибудь умрем, окей? Каждый из нас в свое время. Так проведи же это время так, как хочется *тебе*.

– Спасибо, Холс. – Я улыбнулась краем губ, заглянув в теплые глаза подруги, цвета растаявшего шоколада. – Помнишь, как на Скарлетт О`Хару ⁶ополчились, когда в период траура она позволила себе прийти на танцы и, более того,

⁶ Главная героиня исторического романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром»

рискнула станцевать?

– И?

– Все осуждали её. В те времена, по-моему, не меньше года следовало прятаться в четырех стенах за черной вуалью. Вот и я испытываю что-то подобное, будто все ждут от меня слез, а я...

– О-о-о, крошка, ты серьезно решила вспомнить времена рабства? Может, ещё об устоях пятнадцатого века поговорим? – Хихикнула Холли, я же почувствовала себя неловко. Совсем не подумала об ужасах тех времен.

– А разве общество изменилось, Холс? Иногда мне действительно кажется, что мы застряли где-то там, просто гаджетами обзавелись и голубей почтовых распустили.

– Ладно, твоя правда. Но запомни: в этой жизни ты никому ничего не должна, – пока не родишь, ясный перец, – да и тебе никто ничего не должен. Как только смиришься с этим, а также с тем, что каждому из семи миллиардов людей друг на друга глубоко начхать, станешь чаще обращать внимание на свои истинные потребности и желания. Все, чао, крошка, до встречи на вечеринке!

Джун уехала со своим парнем на выходные к родителям. Так было сказано в короткой, обглоданной записке, которую она оставила поверх горы грязной посуды. Наверное, пыталась извиниться за свинарник. Обрадовавшись одиночеству, весь субботний день я провела за уборкой, затем сходила в

салон, чтобы обновить мелирование и стрижку, сделала ногти аквамаринового цвета, вернулась домой и под «Tellme» P.Diddyс Агилерой кружилась по комнате.

С восьми до девяти я просидела у самодельного алтаря, глядя на фото мамы и Лу. Поправила бархатцы, зажгла свечи, попросила у них за все прощения и приказала обязательно явиться ко мне сегодня по дороге из цветов. Хотя бы во сне.

Около десяти вечера пришла пора наряжаться в карнавальный костюм. Я облачилась в традиционное мексиканское платье алого цвета, с черным тугим корсетом, сильно выделявшем талию и грудь. Завив волосы крупными волнами, я вставила в них ободок с черными шипами, достала краски и принялась наносить грим в честь Дня Мертвых. Долго пришлось провозиться, пока из зеркала на меня не посмотрело ужасно-красивое лицо скелета. Прихватив крупный красно-черный веер, я накинула пальто и вышла на аллею кампуса. До праздника и вечеринок оставался всего час, вокруг сновали оборотни, Бритни Спирс, Супермэны, ведьмы, вампиры и прочие интересные персонажи.

У меня слегка подрагивали коленки. Я давно мечтала оказаться в центре такой грандиозной вечеринки, но совесть не позволяла. А сейчас, скрывая лицо под маской, я чувствовала себя более уверенно и раскованно. Мы с Холли договорились встретиться у коммуны, некогда принадлежавшей Аштону Холлу. Заприметив латексный костюм, я покатилась

со смеху – она все-таки вырядилась Женщиной-кошкой!

– Эй ты, пантера, не приближайся ко мне! Я твои феромоны сексуальности издаюла, вот-вот отобьешь от меня всех мужиков! – Продолжала хохотать я, пока не получила по запястью латексным хвостом. – Ауч!

– Ммяу, крошка, тебя не узнать! Выглядишь сногшибательно! Я вот что предлагаю, давай здесь наклюкаемся, а после сходим на главную площадь. Рядом с площадкой. Обещали концерт, может, потанцуем?

– Идет! – Я широко улыбнулась красными губами, протянула Холли руку, и мы ступили на порог коммуны.

В целом, все было так, как я и представляла: куча пьяных тел, дурацкие игры, громкая музыка, но мне было чертовски весело! Никогда не была противницей алкоголя, хотя в последний раз выпивала с Лусией. В момент, когда перед взором все поплыло, я нашла Холли и попросила оставить коммуну. Мы направились к главной площади.

Все вокруг казалось нереальным. Нет, не от алкоголя! Десятки ярких студентов и гостей окружали нас с Холли. Все скамьи аллеи были заняты разными компаниями. Люди танцевали, смеялись, вели громкие дискуссии, кушали устрашающие сладости в форме глаз и пальцев, заматывали тех, кто пришел без костюмов, в туалетную бумагу, создавая мумий. С каждым шагом все громче звучала музыка – на площади соорудили мини-сцену, на которой выступал живой оркестр! Сказочная, волшебная атмосфера царилла в кампусе!

Оркестр сразил нас наповал. Все участники были разрисованы под стать мне, то есть ко Дню Мертвых. Трубач бегло перебирал пальцами, барабанщик кивал в такт ударам, гитаристы прыгали по маленькой сцене, завлекая всех вокруг, одной мелодией заставляя поддаваться танцу. Когда мы подошли ближе, мужчина за пианино повернулся к нам, проведя пальцами по краю черного цилиндра, затем вскочил и протянул мне руку.

– Что?..

– Иди, крошка!

Холли, наверное, хотела слегка подтолкнуть меня к сцене, но не рассчитала с силой и буквально швырнула в объятия пианиста. Тот мгновенно подхватил меня и поставил на сцену. Вместе с оркестром мы смотрелись гармонично. Мелодия затихла, музыканты обернули ко мне взоры, большинство студентов замерли, возмущенные тишиной. Я и сама хотела возмутиться, но тут барабанщик начал отбивать бит, его подхватил трубач, чуть погодя вступил пианист, и я узнала мелодию – это была горячая, страстная мелодия песни «Smooth».

–Ну-ка зажги, детка! Эй, слышали, это моя девочка! – Голосила Холли.

Мне что же? Танцевать? На виду у всего Принстона? Сердце ударилось о ребра, словно подталкивало к танцу, мозг же лихорадочно твердил: «уходи со сцены, тебя могут увидеть девочки с балета!». Но я уже раскрыла веер, уже за-

несла его перед лицом и поплыла по музыкальным волнам, гонимая страстью. Длинная алая юбка летала из стороны в сторону, а затем развивалась в красивом узоре. Веер порхал, то прикрывая свою обладательницу, то развевался, словно требовал оваций. Я летала, парила, не слушая оглушительных аплодисментов, не обращая внимания на комплименты, меня окутала музыка, забрала к себе навечно!

На меня смотрели сотни глаз, но внезапно, ближе к концу мелодии, я ощутила один единственный взгляд. Такой, который пробирается цепкими пальцами под рубашку, от которого выступают мурашки и встают дыбом волосы, от которого хочется бежать, нестись без оглядки! От этого взгляда остается лишь пепел. Я даже на секунду остановилась, чтобы оглядеть зрителей, но ни от кого не ощутила той самой энергетика. Мне стало не по себе, и я спустилась со сцены под финальные ноты...

Вот и наступило второе ноября.

В воскресенье, после того, как мы с Холли очнулись ближе к вечеру в моей комнате, то первым делом записали меня на кастинг. В понедельник утром Холс заставила меня прикинуться заболевшей. Я посетила тренировку у Барбары, а по возвращению домой притворилась полумертвой. Так, через Джун я передала декану, что отравилась, а затем написала миссис Уайтстоун, что постараюсь не опоздать на вечерний концерт. Если на концерте будет декан, а я все же на него

успею, то притворюсь, будто выпила обезболивающее и все прошло.

Утром Холли прочла мне целый инструктаж о том, как обычно проходят кастинги, чего ожидать, на что даже не рассчитывать, велела не унывать и показать себя в лучшем виде. Она без конца припоминала мне неожиданное выступление на главной площади университета.

– Когда ты станешь звездой, только попробуй не упоминать свою подружку Холли в каждом интервью, не то я своими ногтями... – снова и снова говорила она, будто я блистала так, что покорила всю Америку.

Но пока я ехала в поезде до Филадельфии и листала ленты социальных сетей, наткнулась не на одно, а сразу на семь видеороликов с моим триумфом.

«Загадочная незнакомка»

«Завораживающая мексиканская банда»

«Кровавая, страстная дева»

И, мой любимый заголовок: «Скелет с формами поразил кампус». Комментарии я намеренно не читала, боялась, что кто-нибудь вычислит мою личность, тем более рядом со сценой вопила Холли. Вся надежда была на костюмы и грим. Пересматривая одно из видео, я поднесла телефон чуть ли не к носу – это был тот самый момент, когда я ощутила требовательный, таинственный взгляд. Перематывала видео то назад, то вперед – никого подозрительного не заметила, однако по моему выражению лица все было ясно. Передернувшись,

я заблокировала телефон, и потрясывая ногой, продолжила смотреть в окно до конца поездки.

В девять тридцать я уже шла по Мемфис-стрит. Холли составила мне образ, указав, что следует выбрать что-то наиболее сексуальное, и в то же время неоткровенное, что-то, что могло бы свести с ума во время танца, но не казалось броским при встрече. Учитывая древность моего гардероба – задачка перед нами лежала не из легких.

Уложив мне волосы (Холли помогла сделать более мелкие кудри), придав лицу свежести натуральным макияжем и гляцевым блеском для губ, Холли швырнула на постель шорты и укороченную футболку. Шорты эти я носила лет в двенадцать, потом выросла из них, но выбросить рука не поднялась.

– Ну-ка примерь, – велела Холс, хрустя чипсами.

– Да я в них не влезу! – Взвыла я.

И все же шорты сели отлично. Они стали коротковаты и оголяли самую аппетитную часть ягодиц. К черному низу был подобран белый топ без декольте, но подчеркивающий талию и оголяющий легкий пресс. Белый цвет отлично сочетался со смуглой кожей. Обувь я выбрала сама – танцевать мне проще всего было в «рибоках». Собрав сумку, я надела спортивный костюм, теплую куртку (с наступлением ноября заметно похолодало) и отправилась в короткое путешествие.

Однако в Филадельфии было теплее, пришлось тащить и сумку, и куртку в руках. Забежав за мороженым и арбузным

лимонадом, я, словно многорукая богиня Лакшми, плелась к спортивному залу. Очередь на кастинг начиналась за углом. Что ж, не зря я взяла перекусить.

Бегло осмотрев других девушек, я ощутила себя пустым местом. Ладно, не зря же я потратила деньги на билет и прогуляла пары! Как станцюю, так станцюю. Плевать. Ко мне постепенно возвращался настоящий темперамент и настрой. Я снова почувствовала укол совести и уткнулась в телефон.

Через двадцать минут я стала третьей в очереди. Солнце скрылось за облаками, и появилась возможность разглядеть местность: жуткий был уголок, кричащий о бедности. Почти ничем не отличавшийся от моего района в Джерси-Сити. Куча маленьких магазинчиков, гаражи, напротив зала небольшая парковка, под завязку забитая машинами.

– Имя? – Так громко и резко спросил верзила-охранник, что я вздрогнула.

– Каталина. Каталина Джеферс. – Пропищала я.

– Номер сорок семь. По коридору налево, упрешься в зеркало, дальше направо – там раздевалка. Как будешь готова, иди в тренажерный зал. Сам кастинг проходит в комнате для групповых занятий. Свой номер услышишь по громкоговорителю. – Монотонно проговорил охранник и сразу перевел взгляд за мою спину. – Имя?

Повторяя в голове краткую инструкцию, я прошла в раздевалку. Зажмурившись, чтобы не завидовать телам других девчонок, я переделалась, поправила прическу, и пошла в тре-

нажерный зал. Здорово, что именно его сделали зоной ожидания – можно было позаниматься на свободном тренажере и скоротать время с пользой. Как оказалось, кастинг был устроен не только для девушек, но и для парней, но они проходили в другой очереди и просматривались в другом зале. Наверное, их оценивали женщины.

– Номер тридцать! – Прошипел громкоговоритель.

Ещё шестнадцать человек передо мной. Неплохо, я-то думала, застряну здесь надолго. В зале из-за гомона девушек не было слышно музыки, которую включали во время кастинга. Жаль, хотелось быть готовой ко всему. Когда Номер Тридцать вернулась в зал, то предупредила:

– Врубают две песни, чтобы вы смогли переключиться от одного стиля к другому. В жюри сидят четверо мужиков, включая самого ВиДжея! – Имя его она произнесла ультразвуком, – как он шикарен, боже! Ладно. Удачи всем!

Мы дружно поблагодарили Номер Тридцать и продолжили менять тренажеры. С приближением своей очереди, я все сильнее нервничала. На сорок втором номере я решила отойти в туалет, дабы прийти в себя.

Выйдя из туалета, я подошла к кулеру. Коридор был совершенно пуст. Нужно было взять с собой воды и бежать на просмотр.

– На просмотр? – Спросил низкий, как гром, мужской голос.

Я удержалась, чтобы не подпрыгнуть, и медленно развер-

нулась. Передо мной стоял широкий торс, обтянутый белой футболкой, сквозь которую просвечивались несколько татуировок. Подняв глаза, я встретилась с лицом обладателя торса. Вау. Кажется, мне нужно что-то ответить?

– Да. Ты тоже? – Спросила я, стараясь не так откровенно разглядывать его скулы, серо-голубые глаза и светлую шею. Цвет кожи у него был до того бледным, что просвечивали синие вены. Вампир, не иначе.

– Типа того. У тебя какой номер?

– Сорок седьмой. Кстати, ты не слышал, какой называли последним?

– Кажется, сорок четвертый. – Призадумался он, и, с таким выражением лица и приподнятой бровью, стал ещё красивее. Какой ужас. Я слишком давно не видела красивых мужчин.

– А ты уже прошел кастинг? У вас, наверное, женщины в жюри?

– Да, парней просматривают женщины.

– Повезло. А у нас в жюри сам этот, как его...

– Виджей Таг? – Напомнил он.

– Да. Стыдно признаться, но я не слышала ни одной его песни. – Шепнула я, хихикнув.

– Я тоже! – Рассмеялся незнакомец. – Думаю, ты не много потеряла. Только зачем на кастинг в таком случае приехала?

– Я тоже думаю, что слушать там нечего. Очередной рэпер с текстами про титьки, попки, киски, – перечисляя, я по-

качивалась в такт выдуманной мелодии, незнакомец приснул. – А пришла я, чтобы талант свой развивать. Подруга говорит, меня должны *увидеть все*. Ну, на то она и подруга, чтобы говорить такие вещи.

Что я несу?..

– Э, так, как тебя зовут?

– Волкер. Но друзья зовут меня Вол. – Он протянул гигантскую бледную лапу.

– Каталина. Но друзья зовут меня Кэтти. – Я вложила свою ручку в ответ на рукопожатие. Теплое, сильное, веющее... чем-то нездоровым, отчего следует бежать. Как и от его глаз. Двух льдинок.

– Очень приятно, Кэтти, но мне пора. Ещё увидимся. – Волкер резко дернулся с места и быстро зашагал прочь.

– Пока... – помахала я его спине. И с чего он взял, что мы увидимся?

Медленным шагом я дошла до тренажерного зала.

– Номер сорок пять!

Ура. Осталось немного. Только теперь я вместо того, чтобы растягиваться и думать о будущем номере, разглядывала свою руку, которой касалась Волкера. Кошмар, какие гадкие мысли!

– Номер сорок семь!

– Ой! – Вскрикнула я и поспешила в помещение для просмотра.

Оно было небольшим, но для соло-танца вполне подхо-

дило. Покрытие – паркет, на котором преспокойно можно плавно скользить в довершение движений. Естественно, огромное зеркало – кто не любит смотреть на себя во время танца? А напротив четыре кресла. Номер Тридцать была права, в жюри действительно было четверо мужчин. И одним из них, по всей видимости, был Виджей Таг. На кресле, ближе к центру, выбивавшемся из заднего ряда, восседал Волкер. Вот же паршивец! Надеюсь, он не посмеет передать мои слова Виджею...

– Каталина Джеферс? – Спросил низкорослый полу лысый брючный костюм с самого края.

– Верно. – Кивнула я, стараясь не смотреть на Волкера-обманщика.

– Уточните возраст?

– Двадцать один.

– Угу, отлично. Стэн, музыку. Виджей, есть пожелания?

– Нет. Включайте, что считаете нужным. – Ответил уже знакомый голос. Я обомлела и все-таки уставилась на него. Он сидел ближе всех ко мне и прекрасно видел, как часто поднимается моя грудная клетка. Ну, держись, козел! Виджей Таг! – Только не мои песни.

Да что б его этак и раз этак. Берегись, рэпер. Сейчас я тебя поставлю в неловкое положение. Из колонок заиграл припев песни LilJonfeat. Tyga – BendOva. Не скривлю душой, если скажу, что исполнила лучший тверк и реггитон в своей жизни! Боковым зрением видела, как все мужики покачивали

головой в такт, не открывая глаз от моей задницы. И тут песня резко переключилась, я молниеносно среагировала, узнав мотив – мы с Лусией все детство придумывали «сводящие с ума» танцы перед телевизором, глядя на красавицу Шакиру и пытаюсь повторить за ней. Да, это была LaTortura. Вот я тебе и отомщу, самозванец.

Песню я знала наизусть. Подпевая себе под нос, я вытворяла животом такие вещи, каких сама от себя не ожидала! Плавные переходы от талии к бедрам, раскачивание груди, в общем, все в лучших традициях Шакиры. На финальном припеве я рухнула на пол, колени заскользили в разные стороны, после чего я откинулась, двигая талией и грудью. Медленно подползая к Волкеру, или как там его, я раскачивала бедрами, и когда нога моя коснулась его лодыжки, охранник у дверей резко дернулся.

Волкер, сглотнув, поднял руку вверх, как белый флаг.

И пока Шакира нежно пела «ай, ай, ай-йай-йай...», я падала ему на грудь, волосами щекоча лицо, играя прессом и бедрами так, что у Волкера заискрились глаза. Руки его так напряглись, что вены готовы были лопнуть под натиском кожи. Когда музыка оборвалась, мы почти соприкоснулись носами, и меня обдало жаром его дыхания, а также терпким пряным ароматом вперемешку с древесными нотками и табаком.

Все это время Волкер тяжело дышал, сжав руки в кулаки, и не сводил с меня глаз. Я не уступала ему в гляделках. Ни

один из нас не улыбался, никакой легкости, как при встрече у кулера, не ощущалось, только плотное напряжение, осевшее на грудь тяжким камнем. Молчание длилось бесконечно. Первым очнулся темнокожий парень, сидевший в центре второго ряда.

– Спасибо, мисс Джеферс, вы свободны. Результаты будут на нашем сайте к завтрашнему вечеру. – Сказал он, переворачивая лист на своем планшете. Он старался не смотреть на меня.

Оторвав взгляд от Волкера, я посмотрела на часы – вот же черт! Если не убегу сейчас, опоздаю на поезд!

– Спасибо *вам*, до свидания! – Бросила я и побежала к выходу.

Краем уха, прикрывая за собой дверь, я слышала, как Волкер, прокашлявшись, сказал:

– Перерыв десять минут...

Глава 4

Пулей влетев в театр, я добралась до раздевалки. Девочки из балетной труппы уже были готовы к выходу на сцену, а я, потная, с бардаком на голове, врезалась в рассерженную миссис Уайтстоун.

– Каталина! Это что такое?! – Поправив очки, злилась та.

– Меня со вчерашнего вечера тошнило, крутило, но вот, я постаралась прийти на концерт. – Хлопая ресницами, оправдывалась я. Рука тянулась к носу, но миссис Уайтстоун сразу распознает ложь. Уж она знала мои привычки.

– У тебя две минуты, живо переодевайся! Пропустить генеральную репетицию! Боже, Каталина, ты же знаешь, как важны такие концерты! – Смягчилась хореограф и обняла меня за плечи. – Давай, ради Лусии, станцуй за вас двоих!

Я вымучила улыбку и шустро переоделась. После того, как я дала волю себе настоящей, пачка и пуанты вызывали дикое раздражение. Я мельком глянула на себя в зеркало перед выступлением – ужас. Холли права, я стручок гороха. Ещё и миссис Уайтстоун со своим «ради Лусии»!

– Лу, если ты меня слышишь или видишь... разве ты не заметила, какой счастливой я становлюсь, танцуя у Барбары? – Прошептала я. – Может, балет ты и любила, но меня любила сильнее.

Выдохнув, я впорхнула на сцену, следом за девочками. На секунду софиты и прожекторы ослепили, моргнув, я последовала к центру. Здание театра впечатляло, и, наверняка Лу была бы счастлива выступить в таком величественном, старинном месте. Даже я ощущала гордость, но все эти напомаженные, суперэлегантные зрители на стульях из слоновой кости с резными спинками вызывали отвращение. Не сомневаюсь, сидели среди них и те, кто наслаждался балетом, как искусством, кто был очарован изяществом и волнительными постановками, написанными великими людьми. Но... когда мы занимаемся чем-то, переступая через себя, наперерез мечтам, то постепенно взращиваем ненависть ко всему, что связано с этим занятием.

Сегодня мы выступали с «Щелкунчиком», моим любимым произведением, заставлявшим выложиться по полной. Щекочущая душу мелодия и знаменитая история вызывали трепет. Интересным опытом был балет. Через немой набор движений и жестов мы передавали чувства героев, воскрешали сказки и образы.

Сегодня с нами выступали парни, которые периодически приходили на репетиции. Без них «Щелкунчика» не поставишь. Отплясав первое действие, мы, еле дыша, жадно глотая воду, готовились ко второму. Закончили мы двухминутным апофеозом – вальсом. В портере сидели важные шишки, которые вносили записи и о чем-то между собой шептались. Возможно, были приглашены представители балетный

групп других стран. Я надеялась только, что мне сохранят стипендию, большего не желала.

– Скоро состоится званый ужин, вам нужно будет на него явиться. Там соберутся наши сегодняшние зрители. Многим поступят предложения, не упустите такой шанс! – Говорила миссис Уайтстоун, пока мы возвращались в человеческие обличия в раздевалке.

Выйдя из театра, я глубоко вдохнула прохладный осенний ветер. Несколько сорванных оранжевых листьев врезались в мою куртку. Пока мы выступали, прошел дождь, все дороги были в небольших лужах, а воздух стал намного свежее.

– Кэтти!

Папа?!

Я круто обернулась. Вот он. Томас Джефферс, собственной персоной, в длинном коричневом пальто, с шляпой в руках стоит на ступенях театра. Я поднялась по лестнице и прыгнула отцу в объятия. Он покружил нас вокруг своей оси, и я снова стала малюткой Кэт, первоклашкой и егозой.

– Папочка! – Промурчала я ему в шею.

– Солнышко, до чего же красивое выступление! И как ты выросла!

– Пап, да мы виделись три месяца назад! – Рассмеялась я, беря его под руку.

Зеленые глаза отца блеснули в свете фонарного столба. Тонкие губы сложились в улыбке.

– Для меня это целая вечность. – Парировал он. – Я се-

рьезно, ты была великолепно! У меня волосы с дыбов не опускались!

Я снова рассмеялась и потянула его вперед.

– Ты на машине?

– Да, оставил на парковке. Довезу тебя до общежития и поеду в Джерси-Сити. Бабуля, наверное, нервничает, что приходится смотреть «мылодрамму» в одиночестве.

Папин красный Гольф стоял прямо под кленом, листья которого собрали все оттенки желтого и красного. Мы плюхнулись в салон, папа завел мотор и приоткрыл окна.

– Как ты узнал адрес? – Спросила я, рисуя на запотевшем окне сердечки.

– Выпытал у миссис Уайтстоун. – Ответила папа и выехал с парковки. Ехать нам не дольше пятнадцати минут. – Как у тебя дела?

– Все хорошо!

Я вкратце рассказала об учебных проектах, оценках, успехах. Поведала и о знакомстве с Холли, порадовав отца тем, что наконец-то начала общаться с миром живых.

– Я счастлив, что ты потихоньку возвращаешься к себе прежней. Вспомни, ты ведь была той еще...

– Занозой в заднице? – Перебила я.

– Хуже. – Хохотнул папа. Его смех действовал как лечебная грелка. – Тебя было не остановить! Помню, Лу сидит, читает сказку, а ты вертишься вокруг неё юлой! Или тот день, когда мы с Эсмеральдой и Лу ездили в Нью-Йорк, помнишь?

Я кивнула. Ещё бы мне не помнить один из лучших дней в жизни.

– Мы встретили уличных танцоров на Таймс-Сквере. Они собирали деньги. Помнишь, ты присоединилась к их танцу? И это в восемь лет! Ты покорила всех прохожих. А Лу сердилась, ей не нравились такие...

– Раскрепощенные движения, да. – Усмехнулась я. – И заработала тогда свои первые честные пять баксов.

– Тогда мама и решила срочно сдать вас в балет. – Вспомнил отец, глядя перед собой. – Милая, на этом концерте были серьезные люди. Так мне сказала миссис Уайтстоун. Что, если тебе предложат потрясающую возможность? Европа...

– Да, было бы славно... – Я отвернулась к окну и почесала нос. – О, приехали!

Я резко отстегнула ремень и потянулась к отцу, чтобы поцеловать и обнять на прощание.

– Кэтти, у тебя точно все в порядке? – Нахмурился он.

Как бы так ответить, чтобы нос не зачесался?

– У меня все хорошо. – Кивнула я. – Завтра с утра пары, а время уже близится к одиннадцати. Ты сам-то завтра встанешь на работу?

– А что мне? Я и так слишком часто торчу дома. Нужно же иногда развиваться и просвещаться!

– Ладно, тогда пока. Напиши, как только доедешь до дома. Люблю тебя!

Смачно чмокнув папу в щеку, я широко улыбнулась, а он,

как в детстве, щелкнул меня по носу.

– И я тебя люблю, детка. Будь умницей.

Я дождалась, пока красный Гольф скроется за маленькими кафе, и поплелась в общежитие.

Отключилась я, едва коснувшись подушки. Не переодевшись, не сходя в душ. Утром меня разбудил будильник Джун, и я подорвалась забить ванную комнату. Под освежающими струями я только и думала, что о встрече с Холли. Не терпелось рассказать ей о кастинге и об этом... Волкере. Но ещё больше я ждала вечера, чтобы увидеть результаты кастинга.

После двух пар мы с Холс встретились в кофейне.

– Выкладывай! – Спихватилась подруга, как только я села за стол.

Минут десять я излагала, бурно жестикулируя, что произошло вчера. Холли периодически вставляла междометия, щелкала пальцами и выпучивала глаза.

– Черт подери, крошка! Да ты его уничтожила! Дай пять! – Оглушительный хлопок наших ладоней. – И на концерт успела!

– Да. Чумовой денек. – Улыбнулась я, кусая сэндвич.

– Уверена, ты прошла кастинг. – Постучала по столу ногтем Холли.

– Думаю, его многие пытались соблазнить. – Хмыкнула я. – Да и я хотела смутить его, а не... ну...

– Заставить его напрячь *все* мышцы своего тела? – Задвигала бровями Холли.

Я через стол хлопнула её по плечу.

– Слушай, а я ведь даже не видела его фотографий! Давай загуглим?

Я пожала плечами. Холли полезла в телефон, постучала по нему пальцами и вскрикнула.

– Это что за секс-машина, Каталина?!!

Я прикрыла лицо ладонями, чтобы не выдать покрасневшие щеки и глупую улыбку.

– Да он не может быть реальным человеком. Ну же, скажи, что это фотошоп! – Холли протянула телефон.

На фотографии был не кто иной, как Волкер. Только без белой футболки, прикрывавшей его бесстыдно роскошное тело.

– К сожалению, это он.

Холли изобразила обморок, я громко рассмеялась, вспугнув соседний столик. В тот же момент нам на стол упала газета – студенческая газета выходила каждую среду, а раздавал её Билли Хэнсон, первокурсник, за небольшую плату, – Холли крикнула Билли «спасибо, малыш», и взяла макулатуру. Вдруг, Холли хлопнула ей по столу и уставилась на меня глазами-кометами.

– Чертовка, погляди! Слушай, Джеферс, да ты везде шуму наделала!

Я недоверчиво покосилась на Холли и осторожно выхва-

тила газету. От её слов стало страшно. А уж какое было увидеть свое фото в гриме и костюме на первой полосе газеты – описать сложно.

«Загадочная незнакомка покорила главную площадь в День Мертвых!»

В ночь с 30 на 31 октября на территории кампуса прошли традиционные вечеринки в честь Хэллоуина и Дня Мертвых, на главной площади выступал живой оркестр. Со слов очевидцев, музыканты вытащили девушку на сцену, и та покорила публику раскрепощённым, жгучим танцем. Видео с выступления быстро разлетелось по интернету.

К нам обратился продюсер Бейтс:

– Если кто-то из вас лично знаком с девушкой, прошу передать ей мою визитку.

Спасибо!

Итак, вопрос недели: кто эта таинственная танцовщица?»

– Твою мать... – прошипела я и спрятала газету в сумку.

– Посмотри, сколько дверей перед тобой раскрываются, девочка! Давай обратимся за визиткой...

– Даже не думай. Seriously, Холли, мне нужно самой подумать. – Остановила я подружку, забрала стакан кофе и встала. – Пойдем, до пары две минуты, а мне в самое крайнее здание.

– У тебя сегодня балет? – Резко спросила Холс, закидывая ремень сумки на плечо.

– Да. – С неохотой протянула я.

– Встретимся в восемь, в «Эспачо». Хочу знать результаты просмотра. – Подмигнула та и скрылась в толпе.

Балетные тренировки длились от пятидесяти до девяноста минут, в зависимости от настроения миссис Уайтстоун. Для меня же они теперь тянулись целую вечность. Особенно сегодня. Было уютно в нашей небольшой студии, пропахшей мелом, цветами и лаком для волос, и я радовалась возможности улучшить растяжку и отработать изящность. Но любопытство так и подмиывало броситься в «Эспачо».

Счастье, что никто на занятии не поднял вопроса о газетном объявлении.

Большинство знаменитых танцоров прославились в определенной области. Кто-то был звездой балета, кто-то – беллиданса, кто-то был чемпионом по латиноамериканским танцам. Я не могла себя отнести ни к одному конкретному направлению. Очевидно, что профессионалом я была только в области балета. Но ведь если ты танцуешь, то способен чувствовать любое направление! Мне не хотелось ограничиваться пуантами. Я мечтала в любой момент стать партнершей по бачате, сальсе, исполнить танго, выступить на соревнованиях по хип-хопу, вскружить голову восточным репертуаром. Все, что я точно знала о себе – я обладала безграничной страстью к движению. И меня сводили с ума эти рамки.

В конце занятия миссис Уайтстоун шепнула мне на ушко,

что я заметно поправилась. Что верно, то верно, благодаря Холли мои бедра и задница в целом стали сочнее, привлекательнее, в общем, почти идеальными. Но только не для балета. Я наигранно ахнула, посмотрела в зеркало и заверила хореографа, что сегодня же сяду на диету.

А сама побежала в «Эспачо» с мыслями о буррито. Холли сидела за уже *нашим* столиком.

– Как хорошо ты меня изучила! – Хлопнула в ладоши я, завидев на своем месте буррито, ванильный коктейль и картошку.

– Я ведь тоже была на танцах, мы столько калорий потеряли, нужно срочно возместить.– Подметила Холли, хватая бургер. – А теперь живенько открывай сайт!

Потрепанный флаер все ещё жил в моей сумке. Переписав символы в адресную строку интернета, я перешла на сайт и нажала на кнопку «Прошли кастинг». Пока страница прогружалась, я положила телефон между нами с Холс. Из ста двадцати участников отобрали двадцать девушек и десять парней.

– Что-то я имени твоего не вижу... – Пробурчала с набитым ртом Холли.

– Ага, я тоже. – Злость вскипала во мне. – Вот же козел...

– Да просто мазафакер, крошка! Нет, так дело не пойдет.

Мне, наверное, надо бы расстроиться. Взгрустнуть. Но внутри меня полыхала такая ярость, что придавала сил.

– Глянь, они устраивают в пятницу закрытую вечеринку. –

Прочла я мелкий шрифт после списка. – Надо же, в Нью-Йорке. Козел. Я не могла не пройти, Холли. Вот чувствую, не могла!

– Я в тебе уверена, крошка, но, может, были действительно классные девушки и все такое. Но это не отменяет того, что он козел. – Кивнула та.

– Нет, Холс, я чувствую, он *специально* не включил меня в список. – Я нахмурилась, вглядываясь в текст приглашения. – Знаешь, что? Кажется, у меня есть план.

– Уоу... не терпится услышать!

Наступила долгожданная пятница. Мы с Холли сотню раз обсудили детали плана, и все равно меня потряхивало. Но не от страха, скорее, от предвкушения. Мне хотелось уничтожить Волкера! Может, Холли права, и я действительно не дотянула, но что-то внутри меня требовало выяснить правду. Я видела его глаза. Так не смотрят, если не хотят брать в проект. Так смотрят, когда хотят взять в постель.

Дух авантюриста во мне был всегда. Папа не зря называл меня егозой. Он потому и переживал, что я перестала вытворять всякое сумасбродство, знал, как сильно сломила меня смерть Лу. Но что-то во мне вспыхнуло. Кто-то, Холли или Волкер, кинул спичку в мой догорающий костер, и я возродилась столбом яркого пламени.

После двух пар, Холли на своем розовом кадиллаке отвез-

ла меня на паром. Дорога до Нью-Йорка, как и до Филадельфии, займет примерно два часа. Чтобы меня труднее было узнать, мы выпрямили мои вечно кудрявые волосы (Холли все ворчала, что у нее вот-вот отсохнут руки), подвели глаза стрелками даже во внутреннем уголке глаза (Холли заметила, что так я ещё больше смахиваю на кошечку), накрасили губы матовой помадой цвета крови; подруга выделила мне коктейльное платье – темно-синее, всецело блестящее, без лямок и едва прикрывающее зад, – и черные каблуки. В таком виде было страшно идти по улицам, тем более Нью-Йорка, поэтому я скрыла наряд под длинным черным пальто.

– Ты убьешь его, Кэтти, гарантирую. Если этот мазафакер не потеряет сознание при виде тебя, то он нам не подходит. – Заявила Холли, ведя машину.

Я рассмеялась, хлопнув по коленке.

– Кэмпбелл, ты как скажешь! А причем тут *он* и для чего ему нам *подходить*? Это я должна подойти для его клипа. Кстати, я так и не услышала ни одной его песни.

– Сейчас что-нибудь включу, подай провод. – Я протянула Холли переходник, – стоило загуглить, снова вылезло его фото. Нет, я должна как-нибудь лично убедиться, что он – не творение фотошопа. Только слишком белый, прям как лист бумаги или Аштон Холл. Вы с ним в паре будете словно пломбир с шоколадной крошкой.

Я снова хохотала, громко и безудержно.

– Прекрасное сравнение. – Сказала я, успокоившись. –

Прекрати говорить о нас. И хватит им восхищаться.

– Восхищаюсь я только тобой, крошка. О, включаю трек «Таким ты считала меня?»

Интересное название. Вступление у минусовки тоже было неплохим, типичным, с низкими басами.

*«Я знаю, что снова расстроил тебя,
Да и вообще все мои слова – яд для тебя,
И что люди так не поступают, любя,
Ты считала, что достаточно быть без белья,
Чтобы свести меня с ума и вознести к небесам...»*

Какой у него был голос... я замерла, вслушиваясь в строчки и наслаждаясь мелодией. Нет, у него не было специфической скорости читки или бомбических рифм. Но его низкие, протяжные окончания фраз дребезжали, отдаваясь в груди.

–Кэт?

– А?

– Песня закончилась. Мы у причала.

Я пришла в себя и осмотрелась. Точно. Мы уже на парковке, а я и не заметила, как пролетела дорога.

– Значит, ты оценила его песню. – Протянула подруга, щипая меня за ляжку.

– Заткнись! – Я хлопнула дверью, показав Холс средний палец.

Эта засранка врубила трек Виджей Тага на всю громкость. Заткнув уши, я побежала к парому.

Ох, Нью-Йорк! Осенью ты ещё прекраснее, чем весной

или летом! Сойдя с причала, я прошла вдоль Визи-стрит, восхитилась размерами и архитектурой Всемирного торгового центра и пошла на остановку. В автобусе я приземлилась у окна, чтобы рассмотреть город. Лучшие магазины, сотни забегаловок и именитых ресторанов. Все же Нью-Йорк был одним сплошным торговым центром, магазином. Поэтому я больше любила Лос-Анжелес. Жаркий, громкий, полный энергии, пальм и талантов.

Прибыв в клуб «Пэрэдайз», на Таймс-сквере, я сняла пальто и оставила в гардеробе ближайшего ресторана, выкрав номерок. Надеюсь, пальто мне вернут. Согласно приглашению на сайте, встреча должна была состояться в семь вечера. Уже сильно стемнело и огни Нью-Йорка показались во всей красе. Без десяти семь я подошла к входу. Десяти минут должно было хватить для осуществления плана. У дверей, естественно, стоял представитель секьюрити – точь-в-точь как в голливудских фильмах.

– Документы? – Хмуро спросил он.

– Э... ой, да где же они! – Я захлопала глазками, капаясь в сумке. – Вот черт! Слушайте, я Келли Сандерс, есть в списках. Может, позовете мистера Тага, он тотчас меня узнает?

Блефовала я, мило улыбаясь буйволу в костюме. Он что-то прорычал и уставился в лист.

– Как ещё раз?

– Келли, Келли Сандерс.

Здоровяк пробежался глазами по списку.

– Ладно, проходи. – Он отстегнул атласный трос и пропустил меня вперед.

Войдя в темное помещение, я тяжело выдохнула и схватилась за сердце – как же бешено оно стучало. Шанс, что Келли ещё не явилась на мероприятие, был невелик. А как быть, когда она явится, я не знала, но пока рано об этом задумываться. Мне нужно было встретиться с Козлом Тагом.

В клубе стояла жесткая дымовая завеса с фруктово-мятным привкусом – курили кальян. Сразу стало ясно, что клуб на сегодня арендован исключительно для того, чтобы устроить эксклюзивную вечеринку – столики сдвинуты к стенам, между барной стойкой и VIP-диванами огромное пустое пространство, которое сойдет за танцпол. Я приблизилась к девушкам, которых узнала по кастингу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.